

Сицзе лежал на мягкой зелёной траве, закрыв глаза и наслаждаясь воцарившейся тишиной.

Всю жизнь его дни тянулись ровно и буднично, подобно самой пресной воде. Даже если она была невкусной, он продолжал её пить. Ему казалось, что стоит только что-то нарушить, как он сам тут же исчезнет, рассыплется прахом.

В глубине души кто-то постоянно твердил ему: если умрёшь — попадёшь на небеса.

Что такое эти небеса? Действительно ли это рай, каким его рисует воображение? Да и какая разница, даже если так.

Лёгкий ветерок принёс с собой едва уловимую горечь. Сицзе выплюнул травинку, которую всё это время держал во рту, и, не заботясь о том, не испачкается ли одежда, не спеша направился к месту своей работы.

После окончания университета, благодаря таланту в дизайне, который он мог продемонстрировать в нужный момент, Сицзе занял кресло главного дизайнера в одной международной компании среднего размера. Жизнь по графику: с девяти до пяти. На работе — рисовал и проектировал, после — возвращался домой, принимал душ и ложился спать. Он никогда не блистал, но, подобно слабому звездному свету, освещал всё вокруг.

Выйдя из лифта, Сицзе бесшумно вошёл в свой кабинет. В довольно просторном помещении не нашлось ни одного приличного стола, зато взгляд сразу приковывала огромная кровать, стоящая у самого панорамного окна.

Сбросив обувь, он плашмя повалился на неё. Нашупав ручку, он, не глядя, какого она цвета, принялся хаотично чертить на бумаге.

Небеса должны выглядеть как-то так, верно?

Лишь закрыв глаза, он вдруг увидел образ, вспыхнувший в сознании. Открыв их, Сицзе тут же перенёс увиденное на бумагу, схватил горсть цветных карандашей и принялся раскрашивать сцену.

Картина становилась всё выразительнее, пока слёзы не намочили лист, оставляя на нём размытые круги.

Всё это выглядело так странно, что Сицзе не мог осознать происходящее. Он отложил ручку, коснулся щеки — кожа была тёплой и влажной. Он поднёс кончик пальца к губам и лизнул — солёная.

Я плачу?

Сицзе поднял взгляд и увидел в панорамном окне отражение прекрасного, трогательного существа. Глаза, полные слёз, словно роса на цветках груши, отражали бесконечную печаль.

Если умрёшь — попадёшь на небеса.

Эта фраза снова прозвучала в голове. Умрёшь? Почему нужно умирать? Глупец, зачем ты хочешь умереть?

Слёзы градом покатались по щекам, беспрестанно орошая рисунок. Сицзе подтянул колени к груди, закрыл лицо ладонями, но рыдания не прекращались. Слёзы, просачивающиеся сквозь пальцы, словно праздновали приход эпохи свободы, разлетаясь в разные стороны.

Вернувшись вечером домой, Сицзе не стал включать свет. Он настолько привык к своему дому, что не споткнулся бы, даже если бы шёл с закрытыми глазами. Он крепко сжимал в руках рисунок, не желая выпускать его, даже когда прохожие на улице тыкали в него пальцами — ему было всё равно.

На самом деле ему всегда было всё равно.

Слёзы родителей никогда не вызывали в нём скорби. Приехать домой на праздники было достаточно, и если они выражали свою привязанность — этого было более чем довольно.

В комнате стояла фотография, сделанная ещё в старшей школе. Несмотря на то, что он почти не изменился, она казалась ему невероятно красивой. Среди стопки снимков только она была такой.

Сицзе расправил рисунок и прижал его под рамку фотографии. Не снимая одежды и обуви, он просто лёг на кровать и, когда сон начал одолевать его, прошептал снимку спокойной ночи.

Человек с улыбкой на фото казался очень счастливым.

Год пролетел быстро. Компания отправила Сицзе в филиал в Нидерландах. В стране цветущих тюльпанов он больше всего любил гулять в пригороде, где вращались ветряные мельницы. Один. Не много, не мало — просто он один бродил там, где в воздухе разливался аромат травы.

Неизвестно почему, но сегодня Сицзе чувствовал особенную грусть. Шагая по улице, дойдя до офиса, он смотрел на людей и каждый казался ему глубоко несчастным. В их спокойных глазах читалось отчаяние перед жизнью и разочарование в самих себе.

Хотя он никого из них не знал, и никто не был ему знаком.

Если умрёшь — попадёшь на небеса.

Кто? Кто это снова тихо напевает у него над ухом?

Внезапно он побежал по холлу. Лифт не работал, застряв на верхнем этаже. Сицзе развернулся и бросился по лестнице, одним духом взлетел на тринадцатый этаж и, не переводя дыхания, ворвался в свой кабинет.

Как только дверь плотно закрылась, тело Сицзе сползло по ней вниз. Он зарылся лицом в колени, крепко обхватив их руками, и беззвучно зарыдал.

Он действительно не понимал, почему так происходит. Ему казалось, что в глубине его души бурлит некий источник скорби, тонкой струйкой разливаясь по всему телу, проникая в каждый уголок.

Весь день Сицзе не осмеливался выйти из кабинета. В голландских сумерках, когда город окутывали огни, люди, уставшие за день, жадно цеплялись за эту тьму и свободу, которую она даровала, тоскуя по недостижимой лёгкости бытия.

Рабочее время давно закончилось, разошлись даже те немногие сотрудники, что оставались сверхурочно. Никто не заметил, что в одном из тёмных кабинетов всё ещё сидел человек на холодном полу, глядя через панорамное окно на огни города, но взгляд его был расфокусирован.

Ночь без звёзд казалась особенно одинокой.

И эта ночь была обречена на бессонницу.

На следующее утро Сицзе вышел из кабинета с распухшими, как грецкие орехи, глазами. Секретарь, пришедший пораньше, испугался, увидев его, и уже хотел поздороваться, но Сицзе лишь кивнул и прошёл мимо.

Бесцельно бродя по старинным улочкам, Сицзе вдруг обратил внимание на одну необычную лавку. Изначально он хотел просто взглянуть издали, но ноги сами понесли его внутрь довольно таинственного заведения.

Войдя, он огляделся, но никого не увидел. Несмотря на это, Сицзе не спеша осмотрелся кругом. Воздух был пропитан ароматом камфорного дерева, что странным образом помогало расслабиться. Все вещи здесь имели свою историю, и хотя он не мог определить их возраст или цену, был уверен — они стоят очень дорого.

— Юноша, раз уж ты пришёл, значит, это судьба. Позволь мне погадать тебе. Разумеется, бесплатно. — В таинственной лавке внезапно раздался голос на чистом нидерландском языке. Сицзе проследил за звуком и увидел женщину, сидевшую в углу.

Даже сквозь прозрачную вуаль можно было угадать её возраст.

Раньше Сицзе непременно развернулся бы и ушёл. Но в этот раз он сел перед женщиной и внимательно посмотрел на неё.

— Я хочу знать о своём прошлом.

Сицзе начал сомневаться во всём, он даже усомнился в том, настоящий ли он сам. Те осколки воспоминаний, что часто вспыхивали в его голове, казались ему единственным, что действительно имело значение. Он должен был узнать правду.

Женщина удивилась, подняла глаза и наконец по-настоящему посмотрела на Сицзе.

В конце концов она улыбнулась. Её красота, скрытая за вуалью, должно быть, была пленительной.

— Подожди меня. — Сицзе воочию увидел, как женщина внезапно исчезла прямо перед ним. Он протянул руку, чтобы проверить, и убедился — она определённо не обычный человек.

Выйдя из лавки, Сицзе уже всё знал.

Рабочее время уже началось, телефон постоянно вибрировал. Сицзе взглянул на экран — звонил секретарь.

Проходя по мосту, он небрежно выбросил всё ещё вибрирующий телефон в озеро. Траектория, которую описал аппарат в воздухе, была прекрасна, словно улыбка Сицзе — красивая, но пропитанная отчаянием.

Купив простейшие парные кольца, он поймал такси и велел ехать к церкви.

Священник, увидев иностранца, бросившего на стол пачку денег, похоже, всё понял. Он велел прихожанам украсить храм и подготовил для Сицзе самую традиционную и красивую голландскую свадьбу.

Во время церемонии Сицзе надел одно кольцо на палец, а второе оставил для своего самого любимого человека.

Куда ушёл он, туда пойдёт и он сам. Они всегда были единым целым, и ни один из них не мог существовать без другого. Он ни за что не позволит ему уйти и жить там, где его нет.

Мы встретимся, прошептал Сицзе, поднимая руку с кольцом и целуя его. В его глазах читались

безграничная нежность и решимость.

Взяв паспорт и важные вещи, Сицзе купил билет на ближайший самолёт и тем же вечером вернулся в город, в котором прожил много лет.

Глубокий вдох. Казалось, в воздухе всё ещё витал его запах.

Он наверняка всё ещё ждёт его.

Впервые за много лет Сицзе вернулся в дом родителей в будний день.

Так вышло, что родителей не было — они ушли на банкет. Сицзе не стал спорить с прислугой, потому что знал, куда они отправились. И знал, почему вчера ему было так грустно.

Не снимая верхней одежды, он проигнорировал приветствия слуг и направился прямо наверх, медленно приближаясь к одной из комнат.

Дверь была заперта.

Раньше он никогда не придавал значения таким мелочам, но теперь, когда всё вспомнил, всё стало иначе.

Он выбил дверь ногой. Поскольку слугам было велено не подниматься, чтобы его не беспокоить, они могли лишь с тревогой стоять у подножия лестницы и смотреть вверх.

Сицзе вошёл в комнату, которая была запечатана так долго. Воздух был полон пыли, но даже сквозь неё Сицзе уловил самый любимый аромат, будто этот человек был здесь ещё вчера.

Он касался письменного стола, водяной кровати, стула, фоторамки... Каждое прикосновение было шагом ближе, и каждое прикосновение было шагом прочь. Он знал пароль от сейфа — знакомые цифры всплыли в сознании, и пальцы послушно задвигались. Вынув из конверта письмо, она обнаружила там фотографию — запечатленное на ней обещание, данное в те дни, когда они были ещё так наивны и чисты.

Облаченный в белоснежное свадебное платье, он казался невероятно прекрасным, а его улыбка — такой сладкой.

Прижимая к груди фотографию, он вышел на открытую террасу: лишь забравшись на самую высокую точку, можно было заглянуть за горизонт. Сыцзэ посмотрел на парадные ворота, чего-то выжидая.

Налетевший со встречным ветром легкий бриз растрепал нити чувств, и Сыцзэ задумался о том, о чем думал тот человек, стоя здесь много лет назад.

Он закрыл глаза и постарался изо всех сил вспомнить, отчаянно пытаясь найти самый точный ответ.

Если суждено умереть — попадешь на небеса.

Кто же тихонько напевал эту фразу прямо у него над ухом? Наверное, он. Только у него мог быть столь дивный, чарующий голос, и только он был способен произнести подобные слова.

Вернувшись с кладбища, супруги Му чувствовали себя так, будто на их плечи опустился невыносимый груз. В такие дни даже самое яркое солнце не могло рассеять царившую в душах тяжесть.

Едва переступив порог, госпожа Му почувствовала, как ее сердце забилось в дикой, неподвластной разуму панике. Она недоверчиво подняла голову и замерла. На том же самом месте стоял человек с точно таким же лицом.

— Нет! — госпожа Му вырвалась из объятий мужа и со всех ног бросилась вперед.

Слишком поздно. Все было кончено.

Еще мгновение назад небо было безоблачным, но вдруг хлынул ливийский дождь, смывая кровь, окрасившую землю в багровый цвет, и причиняя такую боль, от которой стиралось все остальное.

Опустившись на колени возле еще не успевшего остыть тела Сыцзэ, госпожа Му дрожащими пальцами коснулась его прекрасного лица и испустила полный отчаяния вопль, чей скорбный звук пронесся над небесами.

Глава рода Му покачнулся и едва устоял на ногах. Он никак не ожидал, что этот день наступит так быстро.

Он уже давно знал, что все этим закончится, и принял столько мер предосторожности, но предотвратить неизбежное так и не смог. Пытаясь оборвать эту запретную страсть, он лишился двоих самых дорогих детей.

О боги, неужели это он во всем виноват?!

Похороны были пышными и торжественными. Семья Му предала земле тела обоих юношей, положив их рядом. Спустя пять лет, день в день, все вокруг подавляли рвущиеся наружу эмоции.

В хрустальном гробу Му Сыцзэ лежал слева, а Му Няньцзэ — справа. Они держались за руки, и на их крепко сплетенных пальцах ярко сверкали обручальные кольца. Посередине лежала та самая свадебная фотография и свидетельство о браке.

Чертежи, которые Сыцзэ так и не выбросил в свое время, превратились в самую необычную и запоминающуюся рекламную кампанию тех лет.

Она носила название — На небесах меня нет.

Тигр попадает в пасть к оврагам

Настоящее имя Хуцзы было Лю Цяо. С малых лет его родители были слишком заняты зарабатыванием денег, поэтому отправили мальчика на воспитание к дедушке с бабушкой в

деревню. Старики в грамоте не разбирались и решили, что имя Чэнь Цяо не сулит ничего хорошего — в самом деле, какое-то тоскливое, предвещающее беду. То ли дело Хуцзы! С таким именем парень точно вырастет крепким, здоровым и плечистым.

Хуцзы не посрамил своего имени: едва он собрался поступать в старшую школу, как вымахал больше метра восьмидесяти в росте. Смуглая кожа в сочетании с ослепительно-белой улыбкой придавали ему простодушный и честный вид.

Но жизнь полна непредсказуемости. Как раз в тот момент, когда Хуцзы набрался храбрости, чтобы признаться в чувствах деревенской красавице Чунью, двое незнакомцев, которых он отроду не видел, увезли его из родной деревушки, где он прожил пятнадцать лет. И сделали это от имени его родителей.

Ну что ж, Хуцзы чувствовал себя крайне неловко. Сидя на заднем сиденье Жука лицом к тем, кого называли его мамой и папой, он залился краской до самых ушей.

Его рот то открывался, то закрывался, а спустя мгновение открывался снова. Родители Хуцзы жутко волновались: они всем сердцем жаждали, чтобы сын, чьим воспитанием они пренебрегали столько лет, наконец назвал их мамой и папой.

— Вы... вы можете не пялиться на меня так?! Страшно неловко ведь, — потирая затылок, простодушно улыбнулся Хуцзы.

Шло время. Трудно было сказать, сколько именно прошло — казалось, ночь сменяла день, а день сменял ночь бесконечно, пока его кто-то не разбудил. Сонный и ничего не соображая, парень послушно поплелся за этим человеком к огромной кровати и с глухим стуком рухнул на нее.

Какая мягкая. Даже глаже, чем щечки Чунью.

Это была последняя мысль Хуцзы перед тем, как он провалился в сон.

С момента его переезда в этот незнакомый город прошел уже год с лишним. В этом неправдоподобно огромном особняке он прожил больше двенадцати месяцев, но, кроме родителей, так ни к чему и не привык.

Особенно к тем близнецам — брату и сестре, которые выглядели абсолютно одинаково и наотрез отказывались признавать в нем старшего брата.

Даже при всей своей неспособности улавливать чужие настроения Хуцзы прекрасно понимал: брат с сестрой терпеть его не могут.

Быстро доев рис из пиалы и подхватив рюкзак, Хуцзы бросил на ходу пару слов и выскользнул за дверь.

Теперь мало кто из учеников поднимался ни свет ни заря, чтобы идти в школу пешком, но Хуцзы никак не мог привыкнуть к Жуку и упорно продолжал ходить везде своими ногами.

Добравшись до школы и обнаружив, что вокруг по-прежнему почти никого нет, он бросил рюкзак на газон и побежал разминаться вокруг беговой дорожки.

Вернувшись за сумкой, он заметил распростертого на траве человека, который лежал прямо поверх его вещей.

Нахмурившись, Хуцзы опустился на корточки рядом с незнакомцем.

— Эй, одноклассник, ты на мой рюкзак лег! Слышишь...

Парень долго не подавал признаков жизни, и Хуцзы уже собирался оставить его в покое, как вдруг тот тихо застонал. Звук был едва различим, но Хуцзы все же расслышал его.

Колесо судьбы закрутилось. Окрашив будущее Хуцзы в тот самый оттенок чайной розы, который он ненавидел всей душой.

Шаги за спиной раздавались неотступно, повторяя каждый его маневр. Ускорялся он — ускорялись и они, замедлялся — и они сбавляли темп.

Остановившись, Хуцзы раздраженно обернулся.

— Я же тебе столько раз говорил: не нужно ходить за мной по пятам! Мне это не нравится.

Два года в старшей школе, два года в университете, и вот теперь они на третьем курсе, а этот человек все так же упорно таскается следом, напрочь отказываясь отступить. Хуцзы это смертельно надоело.

Выгляди этот парень заурядно — и ладно, стали бы друзьями, в конце концов. Но нет, у него была потрясающая, умопомрачительная внешность, и стоило им появиться вместе, как за спиной судачили исключительно о самом Хуцзы.

Даже младшие брат с сестрой смотрели на него с откровенным отвращением, словно Хуцзы осквернил какую-то священную, неприкосновенную небожительницу.

— Чего ты увязался за мной, я ведь даже не знаю тебя! — бросил Хуцзы и зашагал прочь, но это ничуть не остановило Бай Яна, который покорно поплелся следом.

Вернувшись домой, он увидел выстроившихся по обе стороны дорожки мужчин в черных костюмах и темных очках.

— Добро пожаловать домой, молодой господин.

— Угу, — кивнул Бай Ян. На его лице больше не было привычной улыбки. Он прошел прямо в свою комнату и отпер тайник, вход в который знал только он один. Щелкнув выключателем, он позволил яркому свету окутать себя, опустился на стул и замер, неотрывно глядя на стену, увешанную фотографиями. Посидев так какое-то время в тишине, он протянул руку за ножом и, даже не глядя, полоснул себя по предплечью. Острое лезвие рассекло ткань одежды еще до того, как коснулось кожи, и в тот же миг из глубокой широкой раны фонтаном хлынула ярко-алая кровь. Зрелище было пугающим.

Мать Бай Яна сидела на диване в гостиной, прижавшись к мужу и тихонько выплакивая слезы. Когда же ее бедный мальчик наконец обретет то счастье, к которому так стремится?

Кровь мало-помалу обогрела одну из фотографий. Только тогда Бай Ян зажал рану рукой и, прежде чем выйти из тайника, нежно поцеловал запечатленного на снимке человека.

Ледяные струи воды хлестали по телу, разбиваясь на мириады брызг, но остывающее сердце продолжало биться лишь ради одного-единственного человека.

Прошло несколько лет, но младшие так и не приняли Хуцзы. Он чужак в этом доме, и

оставаться здесь больше не было никакого смысла. Едва закончив учебу и получив место, Хуцзы начал готовиться к отъезду. Опасаясь, что родители станут удерживать его, он никому ничего не сказал, оставил короткую записку, подхватил нехитрый багаж и в одиночку отправился в другой город.

Работа оказалась непыльной: у университетского преподавателя физкультуры хлопот почти не было. К тому же Хуцзы обожал спорт, так что жизнь его вошла в спокойное, устроенное русло.

В минуты одиночества он неизменно вспоминал об одном человеке.

На самом деле Хуцзы вовсе не ненавидел Бай Яна. Ему даже казалось, что тот куда милее его собственного младшего брата с сестрой. Но поскольку родственники люто ненавидели саму мысль о том, что Хуцзы общается с Бай Яном, парню пришлось держаться от него подальше.

Интересно, как он поживает сейчас?

— Учитель, признайтесь, вы ведь сейчас думаете о своей девушке?!

Студенты обожали преподавателя по имени Чэнь Цяо: он не давил авторитетом, не заставлял делать ничего из-под палки, да и экзамены у него сдавались легко, поэтому желающих записаться на его занятия всегда было хоть отбавляй. Впрочем, даже при таком раскладе к физкультуре подопечные относились со всей серьезностью.

— Нет.

— Да бросьте вы, учитель! У вас на лице прямо написано: чайная роза цветет. Вы же явно тоскуете по любимому человеку! Нечего тут скромничать.

— Вот-вот, учитель, покажите нам как-нибудь будущую матушку-наставницу!

Студенты дружно зашумели, не заметив, как одна из девушек в строю вдруг смертельно бледнела.

На самом деле она обратила внимание на Хуцзы с самой первой встречи. Его добрый нрав глубоко запал ей в душу: пережив немало любовных драм и едва оправившись от сердечных ран, она вновь почувствовала, как в груди затрепетало желание любить.

Нападки студентов немного смутили Хуцзы.

Не будучи мастером плести интриги и врать своим подопечным, он честно выложил то, что было у него на душе.

— Да нет у меня никакой матушки! Он парень.

Эта новость оказалась куда более шокирующей, чем появление несуществующей девушки. От потрясения все вокруг замерли на месте, включая самого Хуцзы.

Почесав затылок и соображая, как бы все это объяснить, он понял, что делает только хуже.

Внезапно строй взорвался аплодисментами.

— Учитель, я поддерживаю вас! И подумаешь, гомосексуализм?! Я верю, что ваша любовь настоящая! Настоящая любовь непобедима!

Обернувшись, Хуцзы увидел одного из парней: тот заливался слезами, но кричал во все горло, сияя счастливой улыбкой.

Несколько девушек опомнились первыми. Они тоже принялись хлопать в ладоши, выкрикивая слова поддержки и подбадривая Хуцзы.

Что здесь вообще происходит?!

<http://bllate.org/book/21152/2144331>